

Одиннадцатого августа, ближе к вечеру, отряды двух специальных команд встретились в незаметном маленьком селении неподалёку от Ихэюаня на северо-западной окраине города Пекин. Это место находилось всего в двух-трех ли от Ихэюаня, к тому же примыкало к Великому каналу, где речные рукава позволяли проходить судам — поистине идеальная точка для встречи и поддержки.

Настал момент раскрыть карты.

Лэй Чжэнь больше не стал ходить вокруг да около и предельно прямо изложил командирам мелких подразделений план предстоящей операции. Разумеется, напоследок он не преминул добавить: тех, кто не желает участвовать, он не станет неволить ни малейшим образом; однако ради сохранения секретности он надеется, что эти отказники останутся здесь и не станут своевольничать и уходить, иначе пули в его пистолетах жалости не знают.

Дело зашло слишком далеко, и кто теперь станет отказываться? За те два дня, что они провели в Пекине, обстановка прояснилась окончательно: вражеская армия со дня на день ворвется в город Пекин, а высокие чины в столице только и заняты тем, что собирают манатки да бегут, и им совершенно нет никакого дела до какого-то там Ихэюаня.

Перед глазами лежит прекраснейшая возможность разбогатеть, и глупцом был бы тот, у кого на это не ёкнуло сердце.

До 14 августа, когда чужеземцы вступят в город Пекин, оставалось всего три дня. Время поджимало, и вырвать добычу из пасти заморских чертей — задача отнюдь не из простых, как может показаться на словах.

Обойдя за эти дни намеченные точки, Лэй Чжэнь уже составил примерное представление об обстановке на обоих выбранных объектах: в Министерстве финансов и в Ихэюане. Теперь ему предстояло решить, с чего начать.

Ихэюань, также известный как сад Цинъюань, был заложен в годы правления императора Канси. Наряду с упомянутыми ранее парками Цингминъюань у горы Юйцюань, Цингйиюань у горы Сяншань, Чанчунъюань и Юаньминъюань, он входил в число так называемых «трёх гор и пяти садов». По своим масштабам и величественности среди них первенствовал Юаньминъюань: этот императорский сад занимал площадь около пяти тысяч двухсот му, его генеральный план имел форму перевернутого иероглифа пинь, и состоял он из трёх частей — Юаньмин, Чанчунь и Циньчунь, а общая его площадь достигала трёхсот пяти гектаров.

Однако восемнадцатого октября 1860 года, когда англо-французские захватчики ворвались в город Пекин, эта крупнейшая в ту пору императорская резиденция подверглась страшному разгрому, и множество бесценных сокровищ мировой величины было уничтожено.

Несколько лет назад вдовствующая императрица Цыси пустила на постройку Цинъюаня средства, предназначенные для военно-морского флота, а затем собрала новую партию редкостных сокровищ и разместила их внутри, но прежнего великолепия вернуть уже не

удалось.

При сравнении двух целей три с лишним миллиона чистейших серебряных лянов в Министерстве финансов, без сомнения, привлекали куда больше, чем стихи, картины и прочий антиквариат. Вещицы вроде древностей звучат дорого, но если не найдется толкового покупателя, в живые деньги их не превратишь.

И всё же, взвесив все за и против, Лэй Чжэнь решил отдать предпочтение Ихэюаню. Это был неизбежный выбор: по сравнению с Министерством финансов, находившимся в черте столицы, Ихэюань близ Хайдяня на западной окраине Пекина гораздо лучше подходил для роли объекта под грабёж.

Решение было принято, и Лэй Чжэнь больше не колебался. На предмотном совещании перед выступлением он обратился к командирам мелких подразделений:

— Братья, иноземцы вот-вот пойдут штурмом на город Пекин, а золото, серебро и драгоценности, что те жадные чиновники и князья из императорской родни содрали с простого народа, вот-вот будут разграблены чужаками. Что скажете, позволим мы этому случиться?

Опыт рядового солдата давал Лэй Чжэню немалое преимущество в поднятии боевого духа: он прекрасно знал, какие именно слова больше всего по душе этим отчаянным парням.

— Не позволим! — вразнобой рязнули одиннадцать собравшихся в кружок командиров.

— Вот и отлично! Добро, что предками завещано, мы никак не можем отдавать даром заморским чертям! Братья, раньше мы проливали пот и кровь на передовой, а нынче пришел час получать плату за труд. Если вы мужики с яйцами, смотрите мне, не наложите в штаны, когда дойдет до дела!

— Ха-ха, наставник Лэй может быть спокоен! Других талантов у меня нет, но уж в том, чтобы гнуть спину и выкладываться до конца, я позади не останусь. Братья, разве не так?

Толпа молодцев дружно завопила в ответ. Окончательно разуверившись в имперском дворе и подстегиваемые жаждой наживы, они добровольно скатились до положения обыкновенных разбойников.

— Отлично! Сегодня в семь вечера отрядам выступать по намеченному плану! — отдал приказ Лэй Чжэнь, и грабеж официально начался.

Ночь темна, ветер рек — самое время для убийств. Охранявшие Ихэюань стражники набраны были из ни на что не годных знамённых воинов Восьми знамён, и те, едва услышав весть о надвигающихся заморских чертях, тут же испарились в неизвестном направлении.

Без четверти девять вечера Лэй Чжэнь лично повел четыре отряда общей численностью более трехсот восьмидесяти бойцов. С красными повязками на головах, в куртках-дуйгуа, подпоясанные алыми шелковыми кушаками, вооруженные красными пиками и широкими тесаками, они парадным маршем вошли в ворота Чжэндагуанмэнь. Кроме дворцовых служанок

и евнухов, в саду уже не оставалось ни души.

— Живо! Грудите в деревянные ящики исторические рукописи, каллиграфию, картины и тот бронзовый курильницы для благовоний!

— Эй, такую огромную бронзовую треногу не тащите, тяжелая, не унесете!

Под командованием Лэй Чжэня около трехсот пятидесяти солдат приступили к беспрецедентному переселению ценностей. Хотя Ихэюань восстановили лишь частично после разрушений, учиненных англичанами и французами, Лэй Чжэнь, оказавшись внутри этого всемирно известного парка, все равно был глубоко поражен.

Вот мать вашу!

Жизнь, которую вела эта старая карга Цыси, превосходила даже уделы небожителей.

— А ну все стойте здесь, не смейте двигаться и тем более подавать голос! Не то, как предупредил наш старший брат, пули и клинки пощады не знают, и если кого-то ненароком зацепит, будет худо.

В укромном уголке парка некий командир мелкого подразделения с пекинским акцентом, выдававший себя за главаря Ихэтуаней, отчитывал группу дрожащих от страха дворцовых дев и евнухов. Среди них были и старики, и дети — все те, кто не снискал милости или не имел покровителей, из-за чего их и сослали сюда. Оскопленные с малолетства и запертые во дворец, они имели весьма смутное представление о том, что творится за его стенами.

Если изредка выбиравшиеся в город за покупками евнухи и возвращались с рассказами, то сводились они лишь к привычным новостям: то ихэтуани бьют церкви, то князь Дуань возводит в своей резиденции жертвенный алтарь.

— Ах вы, проклятые бандиты-кулачники! Смеее грабить императорское добро, взбунтоваться вздумали?! — Внезапно главный евнух бросил косой взгляд на толпу, вытаскивающую имущество из комнат, и пронзительно взвизгнул.

Голос у евнуха был на редкость пронзительным. Не успел затихнуть его крик, как прежде покорные евнухи и служанки тоже заволновались. С малых лет отравленные феодальной идеологией о том, что император превыше всего, они питали глубоко укоренившуюся в сердцах преданность императрице и государю. И теперь, видя открытый грабеж императорского имущества, они взбунтовались не на шутку.

— Старый хрыч, сам напросился на смерть!

Командир, отвечавший за охрану пленников, со злорадной ухмылкой взмахнул ножом и полоснул главного евнуха по горлу — фонтан крови брызнул мгновенно.

— Убивают! Люди гибнут!

— Никаких криков! Кто еще пискнет — умрет!

Раздраженный командир вытер кровь о мертвеца и ледяным тоном рявкнул: убивать ему вовсе не хотелось, но всё же против почти двух сотен собранных в одном месте евнухов и служанок у него в подчинении было всего около двадцати человек.

Перед лицом кровавой расправы евнухи и служанки снова присмирели. Бессильные и безоружные, перед лицом тщательно обученных Лэй Чжэнем спецназовцев-грабителей они оказались совершенно беспомощны.

Нападение под личиной ихэтуаней было хитроумным планом Лэй Чжэня, призванным скрыть истинное лицо налетчиков. Ихэтуани и без того состояли из стихийных ополченцев окрестных деревень: сойдутся — толпа, разойдутся — пашут землю. Численность их колебалась от тысяч до считанных десятков человек. Вина за разграбление Ихэюаня полностью ложилась на них, и даже если бы двор после стал проводить расследование, выяснить, какая именно шайка провернула это дело, не представлялось возможным.

Погрузка продолжалась вплоть до рассвета двенадцатого августа. К счастью, Куньминху на территории Ихэюаня соединялся с внешними водными артериями, что позволяло судам заходить прямо по каналам, иначе одна лишь переноска ящиков до смерти измотала бы бойцов.

Точного подсчета того, сколько добра удалось спасти за эту спешную ночную погрузку, Лэй Чжэнь в тот момент вести не мог. В условиях дефицита времени и людей ему оставалось лишь грузить на баркасы то, что легче унести: серебряные слитки, нефритовые тушечницы, чаши для кистей, фарфоровые курильницы, вазы и кувшины. С крупногабаритными вещами пришлось расстаться с тяжелым сердцем.

Около пяти часов утра два углевозных судна Кайланьских угольных копи, доверху забитые добром, покинули причал Куньминху. Стоя на глубоко осевшем в воду носу корабля, Лэй Чжэнь испытывал невероятное волнение — его авантюрный план увенчался успехом.

Когда два нагруженных сокровищами судна благополучно вошли в скрытое Лэй Чжэнем и его людьми селение, все участвовавшие в операции «грабители» разразились громовым ликованием.

Уже успевшие прикоснуться к великолепию императорских палат, они пели и плясали, празднуя богатый улов. Неисчислимые серебряные слитки, старинные вазы, заморские драгоценности — все эти невиданные ими прежде сокровища лежали перед ними горами, приводя простых солдат в неописуемый восторг.

— Сяо Су, у тебя за пазухой что-то выпирает! Какую контрабанду припрятал, а ну выкладывай!

— И ты тоже, чего зубы стиснул? Уж не заныкал ли серебряный слиток?

...

Природа человека греховна. Перед лицом столь колоссального богатства обуздать жадность не получалось. Несколько бойцов не устояли перед соблазном и во время погрузки тайком прихватили кое-что для себя, за что тут же были пойманы зорким глазом Сун Чжаньбяо.

— Ах вы, бестолковые щенки! Разве наставник не предупреждал? После того как дело завершится, своя доля достанется каждому! Объявляю: за тайное присвоение имущества ваша законная доля аннулируется и подлежит изъятию в пользу отряда!

По сравнению с относительно не имевшим весомого авторитета Лэй Чжэнем, Сун Чжаньбяо, служивший у Не Шичэна больше десяти лет, пользовался среди этих забияк непререкаемым авторитетом — перечить ему не смел никто.

После столь суровой встряски, устроенной Сун Чжаньбяо, вредная привычка тайком прятать добычу была временно подавлена. Однако Лэй Чжэнь прекрасно понимал: бойцы горят желанием заполучить причитающуюся им долю куша, и если обещанное не будет выполнено вовремя, ему, главарю, больше не усмирить подчиненных.

— Братья, хоть в Ихэюане полно бесценных сокровищ, все мы понимаем, что сбыть такие редкости непросто. Продать за бесценок — значит оскорбить наш двадцатидневный тяжкий труд. Поэтому сейчас нам нужно поднатужиться еще раз. Как только приберем к рукам серебро из Министерства финансов, я, Лэй Чжэнь, слово даю: никто из вас не останется в обиде, и каждая медянка будет выплачена до последнего!

Разбойники идут на дело ради выгоды.

Без выгоды не сработает даже приказ самого Нефритового Владыки. Прекрасно это понимая, Лэй Чжэнь, разумеется, не собирался идти наперекор всеобщему настрою в столь щекотливом вопросе: расхитителей надо карать, а ударников труда — поощрять. Таков свод законов управления грабительской конторой.

Министерство финансов.

Если выражаться на современный лад — государственное министерство финансов вкупе с центральным банком.

Оно располагалось на улице Хубуцзе, неподалеку от подножия императорского города. Охрана здесь стояла совсем не такая, как в загородном Ихэюане: ежемесячно на нужды чиновников и содержание войск серебро бралось именно отсюда, а потому патрулирование подступов к этому стратегически важному объекту велось стражей с особым усердием.

Пробраться внутрь под видом заезжих купцов нечего и думать: в нынешнюю смутную пору торговцы разбежались по относительно безопасным южным провинциям, и вряд ли кто-то в

здравом уме попрётся в Пекин искать приключений на свою голову.

— Похоже, придется снова прикинуться последователями культа.

Поразмыслив так и этак, Лэй Чжэнь вновь обратил взоры на приметное облачение ихэтуаней. Нынче в Пекине князь Дуань Цзай И, великий князь Цзайлань, князь Ганьюй и прочие ходили в старших братьях-наставниках у Ихэтуаней. Имея за спиной столь мощную поддержку маньчжурских князей, члены культа ходили с горделивыми лицами, вдобавок посматривая свысока на казенных солдат.

Среди оборонявших столицу цинских войск больше всего насчитывалось людей в Средней армии Увэй под командованием Жунлу и Задней армии Увэй Дун Фусяна (также известной как Ганьская армия). Войска Дун Фусяна в свое время были набраны из мятежников и лишь амнистированы, прочных покровителей среди высших чинов двора они не имели. Заметив нынче силу кулачников, Дун Фусян поспешил прибиться к ним: он не только водил тесную дружбу с Цзай И и прочими, но и поддерживал вполне неплохие отношения с Ихэтуанями.

Если сейчас выдать себя за отряд ихэтуаней, спешащий на помощь против заморских варваров, шансы проскользнуть в город выглядели весьма высокими. А стоило только оказаться внутри — дальше они затеряются, как рыбы в воде, и смогут творить всё, что заблагорассудится этой полусотне сотен человек.

Тринадцатое августа, после полудня.

Палящее солнце источало такую жару, что все валились с ног от ленивой истомы, лишённые малейших признаков бодрости.

Западными воротами загородной столицы мерным, неторопливым шагом двигался отряд под знаменами с надписью «Волей престола искоренением иноземцев». На головах воинов красовались желтые платки, а сами они были облачены в пёстрые одежды.

— Небесный дух светел, земной дух светел, призываем предков явить чудо! Первым зовем Тан Сэна и Чжу Бацзе... девятым зовем Хуа То врачевать недуги, десятым зовем Ли Цзиньму, Цзиньчжу, Мучжу и третьего принца Нэчжу повести сотысячное войско духов на подмогу! — раздавались зычные возгласы вперемежку с диковинной ритуальной музыкой. Звуки эти походили вовсе не на боевые барабаны древности, а скорее на заупокойные заклинания шаманов, проводящих обряд изгнания духов на алтаре.

— Защитим мой божественный кулак, клинки и пули не берут!

— Несем гробы для искоренения иноземцев, священное учение непобедимо!

Громкие выкрики наконец разбудили стражников у ворот. Выглянув наружу, те увидели отряд из трех-четырех сотен ихэтуаней, которые, неся гробы, под звуки сорн, гонгов и барабанов

приближались к городским воротам.

— Опять шайка колдунов, чтоб их мать за ногу, до чего же надоели! — неохотно поднимаясь с циновки, проворчал рядовой стражник и уже собирался выйти вперед для досмотра, но товарищ остановил его.

— Эй, брат, это же люди Священного учения, нам перед ними всё едино — останавливай не останавливай, давай лучше побережем силы!

— Какое к черту священное учение! Я слышал, в Бэнкане и Тяньцзине эти кулачники, что вовсю орали про неуязвимость для клинков и пуль, в два счета были разбиты заморскими чертями. Стоило иноземцам пальнуть из ружей, как все эти адепты Священного учения тотчас задали драпу! По-настоящему с чужаками бьемся только мы, казенные солдаты!

— Тсс, ты с ума сошел такое болтать, смотри, услышат люди князя Дуаня! Наша служба такая: платят жалованье исправно — и плевать, правду ли говорят эти сектанты.

— И то верно, лучше прилечь поспать, покойнее будет!

Так ганьские солдаты на страже ворот едва соизволили приоткрыть глаза, как Лэй Чжэнь и его люди под видом отряда ихэтуаней беспрепятственно прошли в город.

— Слушайте все отряды: по плану находим конспиративную квартиру, устраиваемся на ночлег, а завтра ровно в три часа утра все собираемся на улице Хубуцзе. Все поняли?

Миновав несколько переулков и убедившись, что вокруг нет посторонних глаз, Лэй Чжэнь отдал приказ командирам отрядов пониженным голосом.

— Будь спокоен, наставник, мы поняли.

Командиры со знанием дела кивнули и увели свои группы вместе с гробами. Внутри этих гробов лежали вовсе не трупы покойников, а самые настоящие пехотные винтовки и полные ящики патронов.

Всё готово, не хватает лишь попутного ветра.

Четырнадцатое августа — день, когда Альянс восьми держав пошел штурмом на Пекин. В этот же самый день Лэй Чжэнь начал свою грабительскую операцию, танцуя на лезвие ножа.

Улыбнется ли ему удача на сей раз?

Вплоть до самой полночи план скрытного сосредоточения сил Лэй Чжэня выполнялся без сучка и задоринки.

Причин тому было две: во-первых, бразды правления в столице фактически захватили силы

Ихэтуаней, а во-вторых, после череды сокрушительных поражений цинская армия осталась обезглавленной.

После гибели Не Шичэна при Балитае подразделения находившейся под его началом Передовой армии Увэй рассеялись в разные стороны. Заместитель командующего Ху Дяньцзя, возмущенный мелочным отношением двора к людям Не Шичэна, с остатками пяти лагерей прямиком вернулся в военный лагерь Лутай. Командиры Передового и Левого дорожных лагерей Чжоу Динчэнь и Яо Ланцай погибли один за другим, а командующий Правым дорожным лагерем Ян Муши был смещен за оскорбление кулачников. Из-за всего этого некогда грозная элитная сила, вышедшая из Армии Уи, полностью утратила былое величие времен Первой японо-китайской войны.

В то же время распад частей Не Шичэна нанес моральный удар по всей цинской верхушке. В войну против Японии, даже когда флот потерпел поражение на острове Люгундо, на суше в битве при Мотяньлине цинские войска сумели уничтожить японского генерала Томиока Сандзо. И единственной частью, добившейся тогда этой победы, была как раз Армия Уи Увэй под началом Не Шичэна.

Слухи гласили, что военный министр Жунлу, услышав о гибели Не Шичэна, немедленно отдал приказ собрать остатки войск под своей рукой, строго настрого запретив впредь вступать в боестолкновения с иностранцами. Отвечавшая за оборону Пекина Ганьская армия под командованием Дун Фусяна в панике жалась к городским воротам, не смея пошевелиться от страха перед возможной встречей с чужаками в поле. Что же до самих Ихэтуаней, жажда сражений у них не угасала, но после штурма северной церкви даже Цзай И понял: от подобной сбродной толпы толку на поле боя не будет.

В начале августа войска Альянса, получив подкрепления, двинулись вглубь территории, к Пекину. Пытаясь отразить натиск иностранцев, Цыси направила бывшего наместника Шаньдуна Ли Бинхэна во главе двух с лишним тысяч солдат разношерстного войска, наскоро слепленного из цинских частей и отрядов Ихэтуаней. Ли Бинхэн обладал слишком скромной репутацией для командования столь пестрой армией, но иного выхода у вдовствующей императрицы не оставалось.

Девятого августа направлявшиеся на юг для отражения врага войска Ли Бинхэна не успели возвести оборонительные рубежи у Хэсиву к северу от Янцуня, как столкнулись с наступающим на север Альянсом и мгновенно оказались в уязвимом положении.

Под шквальным огнем неприятельских ружей и пушек цинская армия рассыпалась и побежала, подобно пролитой ртути. Ли Бинхэну ничего не оставалось, как спасаться бегством. Два дня спустя, пересчитав людей, он с ужасом обнаружил, что рядом с ним, помимо пары советников, не осталось ни единой живой души, и в полном отчаянии Ли Бинхэн покончил с собой, проглотив золото.

Двенадцатого августа союзные войска без единого выстрела захватили Тунчжоу — врата Пекина, находившиеся всего в двадцати километрах от столицы! В тот же вечер командование Альянса провело совещание, обсуждая план штурма Пекина.

Враг стоял у ворот.

Цыси полностью потеряла рассудок. Она зачастила с экстренными аудиенциями для сановников и одновременно вновь разослала срочные депеши по южным провинциям, требуя от наместников и губернаторов немедленно двигаться на север на защиту престола. Огромный Пекин казался теперь единым военным лагерем: в результате суточных перестановок, проведенных Жунлу и другими военачальниками, по всем углам города спешно сосредоточили от семи до восьмидесяти тысяч разномастных солдат императорской армии, включая Ганьские части, армию Увэй, зеленые лагеря, знаменные войска и ихэтуаней.

Семь-восемьдесят тысяч — цифра немалая, но толку от этой массы не было никакого. Более того, до смешного доходило: даже такие сомнительные мелкие банды под флагом Ихэтуаней, как шайка Лэй Чжэня, были официально записаны в состав гарнизона.

Рано утром четырнадцатого августа первый снаряд из орудий русских войск со свистом полетел в сторону Пекина. Получив весть о том, что русские начали наступление раньше срока, японские, американские и британские силы тоже поспешно вступили в бой.

Услышав учащенную канонаду в районе Восточного города, Лэй Чжэнь вскочил с постели в постоялом дворе Туншунь, где они скрывались. Пришел час действовать.

Хотя сопротивление цинских войск продлится еще около двух дней, эти предсмертные конвульсии уже ничего не изменят — Цинская империя прогнила до самого основания.

В пятнадцать минут шестого утра.

Город охватила паника. Среди мечущейся толпы люди Лэй Чжэня с грозным видом высоко поднимали клинки и ружья, несли гробы и, оглашая улицы криками Поддержим Цин, искореним иноземцев, без малейших препятствий устремились к улице Хубуцзе.

<http://bllate.org/book/21116/2142721>